

Глава 1

В шесть тридцать утра ровно прозвенел будильник.

Для августа это время — уже глубокий рассвет. Небо затянуло тонким пёстрым полотном белоснежных облаков, сквозь узкие прорехи которых проглядывали яркие, нежно-голубые полосы. Руань И отключил сигнал, кое-как поднялся и сел на кровати. Уставившись в ослепительно белую стену, он бессознательно замер, погружаясь в оцепенение.

В последние два дня он ловил себя на подобном слишком часто.

Впрочем, чему удивляться? Любой на его месте, погибнув в нелепой катастрофе и очнувшись за десять с лишним лет до этого — в то самое далекое лето сразу после сдачи экзаменов в старшую школу, — вряд ли сумел бы быстро прийти в себя.

Глубоко вздохнув, Руань И соскочил с кровати.

Быстро умывшись и утершись полотенцем, он натянул свободную белую футболку и мягкие брюки, после чего спустился на улицу к уличным лоткам перекусить.

Район, где он снимал жильё, славился своей инфраструктурой для учащихся: меньше пяти минут ходьбы — и ты уже у ворот Шестой средней школы. В последние годы на выпускных экзаменах первые места по всей провинции стабильно занимали именно её ученики, так что сюда стремились поступить подростки даже из соседних уездов. Руань И был одним из них.

В средней школе он учился блестяще, поэтому без труда прошёл конкурс в Шестую среднюю и попал в элитный, лучший класс на параллели.

Вот только на этот раз ему катастрофически не повезло: точка реинкарнации припала аккурат на день распределительного экзамена. Четыре часа подряд, пока перед ним лежали бланки по основным предметам и комплексному тесту, Руань И просидел с абсолютно пустым разумом, витая где-то в иных мирах, а под конец честно сдал совершенно чистые листы.

Результаты не заставили себя ждать: в списке из двух с лишним тысяч первокурсников он занял самое последнее место и распределился в худший из параллельных классов.

Прихватив пакетик со сэндзинями — жареными булочками с мясом — и стаканчик горячего соевого молока, Руань И направился к школе, перекусывая на ходу.

Учебный год в Шестой средней начинался раньше, чем в остальных школах. Руководство прикрывалось благими намерениями — мол, так новоиспечённые старшеклассники быстрее втянутся в жесткий ритм, — а на деле просто устраивало им досрочные уплотнённые занятия. Сегодня был первый день, и на узкой улице, отнюдь не претендующей на статус главной

артерии города, выстроилась бесконечная вереница машин: родители массово везли детей. Проскользнув через пешеходный переход, зажатый между двумя автомобилями так, что оставалась лишь узкая щель, Руань И миновал ворота.

Родителей на территорию не пускали, поэтому плотность толпы вокруг сразу спала. Руань И через пластиковый пакет разломил булочку, выуживая сочную мясную начинку, но в разгар этой нехитрой трапезы в кармане зазвонил телефон. Очистив пальцы салфеткой, он выудил мобильник:

— Вторая тётя.

Мать Руань И сбежала с богатым торговцем, когда он был совсем крохой, а отец после повторной женитьбы окончательно вычеркнул сына из жизни. С тех пор единственным человеком, опекавшим парня, оставалась Вторая тётя. Во всех школьных анкетах в графе «законный представитель» стояли именно её имя и номер. Отец же, помимо перевода денег за учёбу и скромной тысячи юаней в месяц на карманные расходы, делал вид, будто Руань И вовсе не существует. Да и эту тысячу тёте пришлось выбивать из него с боем, наведавшись раз пять. За вычетом аренды жилья оставалось четыре сотни — на еду хватало впритык, так что тётушка регулярно подкидывала ему копейку.

— А И, сегодня же первый день в Шестой средней, ты смотри не опоздай!

— Я уже на территории.

— Наш А И всегда такой понятливый, не то что эта негодница Ли Кэ, — тётя дала ещё пару наставлений и добавила: — Ладно, беги на занятия. В выходные приеду навещу тебя. В этих старых съёмных квартирах кондиционеры — одно название, стоят полуразобранные развалины для вида. Я тут на рынке подобрала для тебя отличный напольный вентилятор и ещё кое-что по мелочи, привезу всё вместе.

— Хорошо... — Руань И внезапно запнулся, голос словно застрял в горле, и лишь через мгновение он выдавил: — Хорошо, спасибо, тётушка.

Его интонация заметно отяжелела.

— Что с тобой? — беспокоилась Вторая тётя.

— Ничего, — Руань И сжал телефон в ладони и после паузы соврал: — Время поджидает, кажется, я слышу звонок на урок.

Простая отговорка сработала безупречно.

Сбросив вызов, Руань И остался стоять неподвижно, уставившись на бурлящий поток учеников.

В этой людской массе мелькнул силуэт. Прошло больше десяти лет, и Руань И был уверен, что его воспоминания о юном Лу Бинчэне давно потускнели, но стоило ему лишь на мгновение выхватить этот образ из толпы, как стало ясно: ничего он не забыл. Кадры, связанные с этим человеком, хранились в памяти всё такими же свежими и яркими. И лишь потому, что эти воспоминания причиняли невыносимую боль, он заставлял себя верить, будто стереть их из сердца удалось.

Лу Бинчэнь.

Всё душевное зло, все самые темные и болезненные страницы его прошлой жизни были неразрывно сплетены с этим именем.

Руань И до сих пор отчетливо помнил их первую встречу. В тот год, когда они поступили в десятый класс, в Шестой средней как раз затеяли реконструкцию стадиона, поэтому традиционные военные сборы отменили. Вместо них школа дождалась окончания середины семестра и вывезла всех учеников на две недели в военно-спортивный лагерь, затерянный глубоко в горах. Мальчишки сблизились буквально за пару дней, быстро начав делиться друг с другом одеждой. Спали вповалку на общих нарах, а сушилка для вещей была одна на всех: кто находил сухие вещи, тот их и надевал, особо не раздумывая, чьи они.

В тот день Руань И зашёл в сушилку и обнаружил, что полностью высохли только белая рубашка и чёрные зауженные брюки. Подошли они идеально. Стоило ему выйти на улицу, как навстречу попались двое парней.

Один из них взглянул на Руань И, задорно свистнул и с улыбкой подмигнул своему спутнику:

— Ого, знакомый наряд!

Второй лишь легко ухмыльнулся.

Это было незнакомое лицо, но настолько яркое и красивое, что задерживало на себе взгляд мгновенно, без всяких софитов выделяя обладателя из любой толпы. На нём были свитшот-худи с контрастными вставками, чёрные джинсы и кроссовки — ни одной лишней детали. И всё же, просто стоя там, он излучал такое ослепительное, затмевающее всё вокруг обаяние, будто весь остальной мир рядом с ним терял краски.

Возможно, дело было в невероятной привлекательности, а может, в чём-то ином.

Но Руань И тут же сообразил: он натянул чужие вещи.

Парень вглядывался в него пару секунд, а затем лениво усмехнулся:

— Познакомимся?

Глядя на эту небрежную, чуть надменную улыбку, Руань И почувствовал нечто, что в банальных романах называют «дрогнувшей струной сердца». С трудом взяв себя в руки, он выговорил:

— Я Руань И.

— А я о тебе слышал, — глубокие, как океан, глаза юноши чуть сощурились в тёплой полуулыбке.

Лишь позже Руань И узнал, что его зовут Лу Бинчэнь.

И совсем скоро они начали встречаться.

Возвращаясь мыслями к тем временам, Руань И до сих пор находил всё происходившее невероятным. Память, очищенная от шелухи лет, больше не сохранила мелких деталей — остался лишь общий контур. Лу Бинчэнь тогда вовсе не предпринимал каких-то особых усилий, да и сам Руань И не искал этой связи. Они просто двигались по пути, казавшемуся «самым естественным», вот только скорость сближения зашкаливала, словно события включили на восьмикратную прокрутку.

Ещё до окончания первого полугодия десятого класса у него официально появился первый в жизни парень.

Лу Бинчэнь разительно отличался от большинства учеников Шестой средней. Баллы в экзаменационных бланках не имели для него никакого веса, поэтому к учёбе он относился спустя рукава: придет охота — поучит, не захочет — вовсе не прикоснется к домашнему заданию.

Стоило ему заскучать, как он тут же приходил вытаскивать Руань И. Сначала тот еще удерживал себя в руках, пытаясь доделать уроки перед тем, как откликнуться на зов, но постепенно и сам разленился. Стоило закрыть тетрадь — и он уже летел с Бинчэнем гулять до упада. Порой они возвращались настолько поздно, что на письменные задания не оставалось сил, и Руань И наобум заполнял развернутые ответы, чтобы на следующее утро списать тесты у одноклассников.

При таком подходе его прежний академический багаж быстро иссяк. На итоговых экзаменах в конце первого года Руань И, входивший при поступлении в десятку лучших учеников школы, вылетел за пределы первой тысячи.

В Шестой средней перед одиннадцатым классом проводили перераспределение по успеваемости. Руань И с треском вылетел из элитного класса в самый обычный. Перетаскивая свой парта-стул на нижний этаж, он вдруг ощутил, как грудь сдавливает липкая, необъяснимая паника.

Хотя он не обронил ни слова, Лу Бинчэнь мгновенно всё заметил. Вскинув бровь, он изящными пальцами касался макушки Руань И, затем спустился по щеке и нежно обхватил его подбородок:

— Ну-ка, дай-ка Брат Чэнь исполнит поглаживание по головке.

Руань И пару секунд с вызовом смотрел на него, а затем неожиданно подался вперёд и больно впился зубами в губу Бинчэня.

Тот опешил — то ли от неожиданности, то ли от дикой страсти этого жеста. Легко выдохнув от боли, он обхватил затылок Руань И ладонью и мягко, но властно прижал его к себе.

Это был их первый поцелуй.

Лишь к концу первого полугодия одиннадцатого класса Руань И случайно узнал, что Лу Бинчэнь собирается уехать за границу. Прогуляв два вечерних урока самоподготовки, он весь вечер пробродил вдоль речной набережной, а затем пришел к Бинчэню и предложил расстаться.

Лу Бинчэнь караулил его трое суток и подстерёг-таки в узком глухом переулке, зажав один на один.

Руань И видел, насколько тот разъярён, но у него уже не было сил принимать это в расчёт. За три дня разлуки он с ужасающей отчётливостью понял, кем на самом деле стал для него Лу Бинчэнь. Он давно перерос статус просто «школьного парня», с которым встречаешься от силы год. Руань И не понимал, почему уход этого человека оставляет после себя ощущение, будто из его собственного тела выдернули весь остов — опору и кости.

Сжав запястье Руань И до синяков, Бинчэнь процедил:

— Руань И, ты крутишь со мной роман, а потом вот так просто выбрасываешь меня? Ты за кого меня держишь?

Руань И лишь качнул головой.

Его голос звучал ужасающе сипло. С момента их разговора о расставании он почти не открывал рта.

Отвернувшись, он тяжело кашлянул. Слова срывались с губ сухим, надрывным шелестом:

— Мать сбежала с другим, отцу на меня плевать, но я ведь как-то жил раньше...

Он и сам не знал, к чему завёл этот разговор, точно бредил вслух:

— Брат Чэнь, если мы разойдемся сейчас, я еще смогу выкарабкаться. Но если я привыкну к тебе окончательно, а ты потом уедешь... понимаешь, я же просто сломаюсь.

Он уже не помнил, как именно отреагировал тогда Лу Бинчэнь, но совсем скоро они снова были вместе.

Ощущение, когда ты стоишь перед человеком и, прекрасно понимая ошибочность своего выбора, не можешь ему отказать, наверное, и называют роковым притяжением.

С того момента Руань И окончательно махнул на всё рукой. Раз уж день уезда Бинчэня станет неизбежной точкой в их отношениях, нужно выжать максимум из каждого оставшегося дня, находясь рядом. А то, что после очередных экзаменов его спустили из обычного класса в самый отстающий — параллельный, — тогда казалось Руань И сущим пустяком.

В выпускном классе Лу Бинчэнь в школе почти не появлялся. Руань И сидел за партой среди отъявленных лоботрясов и бездельников, целыми днями либо спал, либо смотрел в одну точку. Перед самым отъездом за границу Бинчэнь приходил попрощаться, но Руань И в тот день как раз взял больничный и до самого вечера беспросветно спал в своей съёмной конуре. Лишь вернувшись в класс, он узнал от одноклассников, что его искали.

Тогда Руань И ощутил не горечь, а странное облегчение. словно первая зимняя снежинка упала на ладонь — невесомая, беззащитная, но несущая с собой холод.

«Пусть будет так, — подумал он. — Наша история — ни то ни сё, она и заслуживает лишь такого бесславного конца».

Второй раз они столкнулись лишь через десять лет.

Это была чистая случайность. Руань И работал охранником в фешенебельном отеле, куда Лу Бинчэнь приехал на деловые переговоры в сопровождении принимающей стороны.

Руань И поначалу даже не узнал его. А вот Лу Бинчэнь, находясь в свите сопровождающих, вдруг обернулся и не отводил от него взгляда добрых полминуты, отвернувшись лишь тогда, когда окружение начало что-то подозревать.

В ту же ночь Руань И привели в его номер.

Бинчэнь одним жестом выпроводил всех присутствующих, оставив их наедине.

В роскошных апартаментах свет люстр сиял ослепительнее ночных звёзд. Стоя посреди этого

великолепия, Руань И ощутил странную невесомость, будто земля ушла из-под ног и он застыл на самом краю открытого космоса.

И они снова сошлись.

Руань И по-прежнему ходил как во хмелю, но отказать Лу Бинчэню не мог. И десять лет назад, и теперь он испытывал к этому человеку слепую, необъяснимую покладистость.

Он чувствовал, насколько сильно изменился Бинчэнь, пусть внешне это почти не проявлялось. Суровый и беспощадный делец из слухов властных кругов был слишком далек от повседневной реальности Руань И. Поэтому, когда Бинчэнь прижал его к кровати, Руань И не стал сопротивляться: ему и самому требовалось хоть какое-то доказательство, что всё происходящее — не сон.

Горячие губы, прерывистый шёпот, физическая боль и острое наслаждение, единый ритм биения двух сердец — всё это должно было убедить его, что реальность осязаема.

Что этот человек — настоящий.

Нависнув над ним с легкой, ленивой улыбкой, Бинчэнь не спешил и медленно поглаживал его по талии:

— Сейчас есть кто-нибудь?

Руань И качнул головой.

Улыбка на губах Бинчэня стала чуть шире, и он мягко уточнил:

— А за эти годы... был хоть кто-то?

Позже Руань И думал: ответ он тогда утвердительно, Лу Бинчэнь, скорее всего, просто встал бы и ушёл. Этот вопрос был нужен лишь для того, чтобы убедиться — вещь не побывала в чужих руках. Но в тот момент Руань И об этом не задумывался.

После отъезда Бинчэня всякая тяга к романтике у него отсохла, а уж когда навалились жизненные невзгоды, стало и вовсе не до любовных похождений. Так что все эти годы он действительно оставался один.

Руань И честно мотнул головой.

Бинчэнь чуть сощурился, вглядываясь в его лицо, а затем наклонился и едва касаясь прижался

к его губам:

— А вот так... было?

Это тёплое дыхание трепетало, точно крылья бабочки, лаская щеку.

Прикрыв глаза, Руань И вдруг вспомнил старую поэтическую строчку: «Узнав, что значит море, не станут восторгаться лужей». Если вдуматься, его многолетнее одиночество объяснялось не только нехваткой времени и сил — просто он слишком рано встретил Лу Бинчэня. Повидав бушующие величественные пики, смотреть на мелкие сопки уже не хотелось.

Задумавшись об этом, он снова погрузился в оцепенение.

Подождав немного и не получив ответа, Бинчэнь мгновенно изменился в лице, и его взгляд заледенел:

— Тебя кто-то целовал.

Это было сказано убеждённым, не терпящим возражений тоном.

Руань И только собрался объяснить, как движения Бинчэня резко стали грубыми. Впрочем, слово «грубый» не совсем отражало суть — скорее, он начал причинять явный дискомфорт. Первый опыт всегда даётся нелегко, и Руань И так и не понял, что именно распалило Бинчэня — его попытка слегка отстраниться или неопытность, но тот начал действовать со всё нарастающим жестоким напором.

Перед тем как провалиться в небытие, Руань И почувствовал на губах солоноватый вкус собственной крови.

О том, что произошло в следующие три месяца, Руань И предпочитал не вспоминать.

А потом на пороге его квартиры появилась обручённая невеста Лу Бинчэня.

Вечером, когда Бинчэнь вернулся домой, Руань И разложил перед ним принесённые женщиной фотографии, газетные вырезки и текст соглашения.

Лу Бинчэнь скользнул по ним равнодушным взглядом и, улыбнувшись, произнес как ни в чём не бывало:

— Всё в порядке. Ну женюсь я, а ты так и останешься моим любовником.

Он сказал это с такой естественностью, словно искренне пытался его успокоить.

В то же мгновение кровь в жилах Руань И, казалось, хлынула в обратную сторону.

Первым чувством была не ярость, а беспросветное, оглушающее изумление. Он смотрел на Бинчэня не мигая, будто видя его впервые. Почти десять лет они были связаны глубочайшей интимностью, но лишь сейчас Руань И наконец разглядел его истинное лицо.

Сквозь сжатые зубы он выдавил единственный звук:

— Вон.

Он навсегда запомнил реакцию Лу Бинчэня.

— Руань И, ты вообще кем себя возомнил? — бросил тот с холодным презрением. — Я лёг с тобой только потому, что в школьные годы так и не успел этого сделать. Вкус у тебя, прямо скажу, так себе, но не попробовать было жаль. А уж заявлять мне о расставании... ты вообще этого достоин?

Руань И не проронил ни слова.

В следующую секунду он схватил с тумбы тяжелую вазу и с размаху разбил её о лоб Бинчэня.

Осколки фарфора во все стороны с глухим звоном осыпались на паркет — словно между ними пролился слепящий, разрушительный ливень.

Руань И сбежал. Он скрывался две недели, но Бинчэнь снова выследил его и схватил.

— Я, походу, слишком тебя избаловал? — свысока оглядел его Бинчэнь. — Раз ты решил, будто можешь свалить от меня, когда вздумается?

Руань И казалось, что его сердце превратилось в изорванную тряпку, которую насквозь продувает ледяной штормовой ветер. Губы его затряслись в бессильной дрожи; замахнувшись, он вlepил Бинчэню звонкую оплеуху.

Бинчэнь перехватил его руку, с силой вывернул её и швырнул Руань И лицом вниз. Ледяные пальцы безапелляционно вонзились между бедер.

В момент, когда Бинчэнь ворвался в него, перед глазами Руань И всё поплыло. Он смотрел на Лу Бинчэня. Эти точёные, будто изваянные скульптором черты, выжженные в его памяти за три тысячи дней и ночей, должны были казаться родными. Но сейчас они внушали лишь

чудовищное отчуждение. Прошлое рушилось: светлые кадры юности возникали в сознании лишь для того, чтобы тут же быть разорванными в клочья грубыми, калечащими движениями человека, нависавшего сверху.

В ту ночь Руань И не чувствовал ни боли, ни удовольствия. Он лишь с глухим оцепенением наблюдал, как то, что он считал драгоценной святыней, планомерно уничтожается тем, кого он когда-то считал своей главной святыней.

А та самая смертельная авария случилась именно тогда, когда Руань И вырвался из запертой квартиры, где его держал Бинчэнь.

В то мгновение, когда набравшая ход машина сбила его и подбросила в воздух, в голову Руань И пришла абсолютно нелепая мысль — он вспомнил традиционную свадебную клятву: «Пока смерть не разлучит нас».

В далекие школьные годы, прочитав эту фразу в какой-то книге, они с Бинчэнем лишь переглянулись и тепло улыбнулись друг другу.

Судьба оказалась злой и глумливой шутницей: в конечном счёте клятва сбылась. Пройдя через все круги ада, они действительно исполнили её — пусть и таким чудовищным образом.

<http://bllate.org/book/20540/2105624>